

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) ..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

ДИСКУССИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАННИХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ И ВКЛАД В НЕЕ С. Г. КЛЯШТОРНОГО

Аннотация: Происхождение тюркоязычных народов раннего средневековья — важная тема научных трудов С. Г. Кляшторного. Взгляды, которых он придерживался, укладываются в рамки моноцентрической концепции. Ее сторонники полагают, что некогда существовал тюркский «протоэтнос» — огуры; их миграции положили начало тюркоязычным народам как Восточной Европы (булгары и хазары), так и Центральной Азии (уйгуры и прочие племена группы теле). Потомками последних С. Г. Кляшторный считал огузов Средней Азии и кыпчаков/половцев. Однако немалое число исследователей придерживались иной концепции (полицентрической), согласно которой западные и восточные тюркоязычные народы не имели прямой генетической связи. Более того, ее сторонники подвергали сомнению правомерность самого ключевого термина «огур».

Ключевые слова: Кляшторный, Радлов, Мункачи, Бернштам, огуру-огузская проблема.

В кочевниковедении существует несколько подходов к изучению этнической истории евразийских степей I–VI вв. — периода, заложившего фундамент всей последующей истории тюркоязычных народов. Подходы эти — их можно условно назвать моно- и полицентрическими — мало согласуются друг с другом, представляя как бы параллельные истории одного и того же пространства в одно и то же время.

Выдающаяся роль в реконструкции ранней политической и этнической истории древних тюркоязычных народов принадлежит Сергею Григорьевичу Кляшторному. В то же время он был наиболее ярким и последовательным представителем одного из указанных подходов — моноцентрического. С. Г. Кляшторный не только разрабатывал частные вопросы истории и культуры кочевников, но и обобщил их в целостную схему этнополитической и этнокультурной истории Евразии.

В рамках обозначенного периода ключевой проблемой этнической истории кочевников Евразии может быть названа «огуру/огузская» проблема. Таковой ее считал сам С. Г. Кляшторный¹. Необходимо подчеркнуть,

¹ Основываясь как на личном сообщении, так и на том факте, что в последнем отредактированном С. Г. Кляшторным «Тюркологическом сборнике» помещено сразу две статьи, посвященных напрямую проблеме «огурских» народов [Комар 2013; Семенов 2013].

что, если бы в созданной им схеме не осталось нерешенных вопросов, С. Г. Кляшторный не возвращался бы в каждой новой статье или монографии к изучению этапов этнической истории евразийских кочевников, раз за разом что-то уточняя и даже пересматривая. Это, а также наличие иных схем этногенеза тюрко-монгольских кочевников Евразии, заставляет рассмотреть данную проблему на более широком историографическом фоне.

Краткий обзор историографии проблемы

Даже просто перечислить имена авторов, затрагивавших в своих исследованиях вопросы древнетюркского этногенеза, значило бы заменить статью обширной библиографией, которая, к тому же, наверняка будет неполной. Поэтому, чтобы не запутаться в «толковательных дебрях», как назвал П. Б. Голден многочисленные концепции этнической истории Великой степи [Golden 2006, p. 26], постараемся наметить только основные вехи.

Родоначальником научного изучения прошлого кочевников Великой степи по единодушному мнению исследователей был французский академик XVIII в. Дегинь [Иностранцев 1926, с. 6], оставивший многотомное сочинение по истории «татар», в число которых включил все кочевые народы Евразии — от хуннов до современных ему ногаев. Дегинь предположил, что пришедшие после 462 г. на смену гуннам в восточноевропейские степи сарагуры, уроги, оногуры были ветвью уйгуров, вытесненных из района Турфана жужанями. Поселившись на берегах Иртыша, они занимались добычей соболей и, так кочуя за объектом своей охоты, через некоторое время добрались до Волги, где вступили в контакт с римлянами [Deguignes 1756, p. 316–317].

Как остроумно в свое время выразился А. Н. Бернштам: «Дегиня повторяли и повторяют до наших дней» [Бернштам 1951, с. 7]. И действительно, хотя представления ученых XVIII–XIX вв. об этноязыковом родстве были далеки от современных, уже с первых работ европейских авторов берут начало три группы версий происхождения кочевников Великой степи: угорская или «финская» [Klaproth 1826, p. 262–263; Европеус 1868, с. 66–67], тюркская (Дегинь), монгольская (Бичурин) [Иностранцев 1926, с. 30–31; Бичурин 1950, с. XXXVIII–XXXIX].

В конце XIX в. комплексное обоснование тюркоязычности протоболгарских племен дал В. В. Радлов. Эти племена, по его мнению, являлись частью гуннского объединения, после распада которого выступили под собственными именами [Радлов 1893, с. 107–111]. Вторую часть названий племен Радлов признал искажением от «уйгур».

Почти одновременно с В. В. Радловым венгерский лингвист Б. Мункачи предложил свой вариант реконструкции. Название одного из племен —

«оногур» — он расшифровывал как множественное число от «огор/угур/огур», т. е. «уйгур» [Munkácsi 1896, S. 7–10, 89–92; Артамонов 1937, с. 114]. Однако именно форме «огур» Мункачи придавал особое значение: «Имя *угор, огур* [курсив авторский — А. С.] ... представляет древнее собирательное обозначение западных тюркских племен, в противоположность с жившими восточнее... *огузами*, которые также называли себя вообще именем *тюрк*» [Ашмарин 2000 (1902), с. 118]. Вокруг одного этого слова («огур») за короткое время сложилась обширная библиография [Moravcsik 1958, S. 65–67].

В дальнейшем высказанные Радловым и Мункачи взгляды об «огурогузском» происхождении тюркоязычных народов I–VI вв. развивались в трудах И. Маркварта [Marquart 1903, S. 45–46], Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 1926, с. 195], А. Н. Бернштама, Д. М. Данлопа [Dunlop 1954, p. 36–40], Дж. Гамильтона, Н. А. Баскакова [Баскаков 1960, с. 107, 186–187], А. Рона-Таша [Róna-Tas 1999, p. 210–213, 255], Г. В. Хауссига [Хауссиг 1977, с. 71], С. Г. Кляшторного [Кляшторный 2010, с. 164], П. Б. Голдена [Golden 1980, p. 30], Ю. Р. Джафарова [Джафаров 1980, с. 159–161]. Если попытаться найти общий момент в концепциях перечисленных авторов, то получится следующее: некогда (до V в. н. э.) в Центральной Азии существовала единая группа племен («племенной суперсоюз теле-огуров» по С. Г. Кляшторному [Кляшторный 1987, с. 60, 61; Кляшторный 2003, с. 496; Кляшторный 2009, с. 62]; «конфедерация племен, арочным сводом растянувшаяся сквозь Евразию» по П. Б. Голдену [Голден 2005, с. 32]), которая дала несколько волн миграций: 1) на Запад — вместе с гуннами (В. В. Радлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Хауссиг, Ю. Р. Джафаров) или вскоре после падения их империи (С. Г. Кляшторный, А. Рона-Таш), но до замещения в тюркских языках конечного *p* на *з* — огурские племена; 2) на Восток — в связи с процессами образования и распада тюркских каганатов в VI–VII вв. — уйгуры; 3) на Запад — огузские племена Средней и Передней Азии в IX–XI вв. (согласно концепции С. Г. Кляшторного, и кыпчаки [Кляшторный 1986; Кляшторный 2007]).

В результате получается, что подавляющее большинство тюркских народов имеет общее происхождение. В этом и заключается сущность моноцентрического подхода.

Немалое количество исследователей, однако, придерживалось иных подходов по вопросу этногенеза кочевников Великой степи. Они настаивали на полицентрическом происхождении тюркоязычных народов. Это значит, что предки многих ныне тюркоязычных народов прежде принадлежали к иным языковым группам или семьям, а тюркский язык усвоили, будучи

покорены гуннами или древними тюрками, или по крайней мере войдя в их орбиту влияния. Свести все мнения сторонников полицентричности к какому-то одному не представляется возможным. Можно только заметить, что многие авторы этой условной группы являлись сторонниками угорской (как вариант — иранской) принадлежности протоболгар.

У истоков этой концепции, как было показано выше, стояли немецкий лингвист Ю. Клапрот и финский этнограф Д. Е. Европеус. Впоследствии у нее нашлось немало сторонников среди отечественных ученых (следует назвать имена С. П. Толстова [Толстов 1948, с. 245–246], А. П. Смирнова [Смирнов 1951, с. 10–11, 22; Смирнов, Корнилов 1971, с. 483–484], М. И. Артамонова [Артамонов 1937, с. 112–114; Артамонов 1962, с. 66–68, 76–78], Л. Н. Гумилева [Гумилев 1965, с. 132–133], Я. А. и Г. С. Федоровых [Федоров Я., Федоров Г., 1978, с. 49–54], А. В. Гадло [Гадло 1979, с. 59, 99–100, 175–176; Гадло 2004, с. 134], А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 72], Б. И. Вайнберг [Вайнберг 1999, с. 258–259, 290, 294–296, 304–306], А. К. Салмина [Салмин 2011]).

Согласно еще одной группе взглядов, слово «огуз», хотя и исконно тюркское, первоначально обозначало просто «племя», «союз племен» и не несло этноопределяющей нагрузки. Одним из первых подобное мнение высказал еще Маркварт, как известно, не слишком заботившийся о непротиворечивости одних своих гипотез другим [Бартольд 1968, с. 313]. Однако наибольшую ясность в эту проблему внес Садри Максудов — между прочим, единственный пантюркист среди всех упомянутых авторов («махровый расист» — по определению А. Х. Рафикова [Рафиков 1952, с. 128]). Он четко разделил проблему на две части: 1) соотношение слов огур/огуз; 2) их значение.

С. Максудов первым определил, что слова «огур» и «огуз» значат всего лишь «племена»: «...слова «огур» и «огуз» не являются этнонимами народов, в названия которых они входили как составная часть. Они есть не что иное, как названия структурных частей этих народов. <...> Тюркская история не знает тюрков-огузов, в ней имели место только «огузы» тюрков» [Максуди 2002 (1947), с. 317–318]. Все теории миграций, основанные на одном созвучии племенных названий Максудов считал надуманными, формулируя свое к ним отношение предельно четко: «Мы не можем допустить низведения тюркологической науки до примитивной, построенной только на принципе внешней аналогии слов «племенологии»» [Максуди 2002 (1947), с. 384].

Опираясь на выводы А. Н. Кононова («огуз» происходит от «ог» — род и «уз» — аффикс множественного числа [Кононов 1958, с. 84]), Л. Н. Гумилев пришел к близкому с Максудовым мнению (о работе последнего он вряд

ли мог знать), но сделал еще один шаг вперед. Он определил конкретно-исторические условия возникновения термина «огуз» и обозначаемого им явления: «огузы» появились не раньше создания первого тюркского каганата, поскольку напрямую связаны с его внутренней структурой [Гумилев 1967, с. 61–62]. Эта гипотеза основывается еще и на том, что самые ранние упоминания «огузов» зафиксированы только в орхонских текстах. Значит, по мнению Л. Н. Гумилева, само слово, обозначая совершенно новое явление, появилось не раньше середины VI в., причем сразу в форме «огуз», т. е. не имело «архаического» предшественника — «огур».

Одновременно с Гумилевым против отождествления понятий теле и огуз выступил Л. П. Потапов. Также опираясь на выводы А. Н. Кононова, он считал «огуз» лишь социальным термином, а невозможность заимствования слова «теле» у китайцев обосновывал наличием на Алтае целого ряда племен, содержащих в своем названии этот корень [Потапов 1966, с. 233–234]¹. Это мнение восходит к Н. А. Аристову, еще в конце XIX в. писавшему: «Существование в Алтае р. Тёле... показывает скорее, что имя теле было настоящим именем гаогюйцев, а дили или чилэ — китайскими его извращениями» [Аристов 1897, с. 19].

Наконец, крупнейший советский специалист по огузской теме С. Г. Агаджанов большей частью дистанцировался от дискуссий о соотношении понятий «огуз», «токуз-огуз» и «уйгур», считая вопрос крайне запутанным [Агаджанов 1969, с. 5]. Тем не менее, западных огузов он рассматривал как народ смешанного происхождения, причем образовавшийся из разных компонентов уже на территории Средней, а не Центральной Азии [Агаджанов 1969, с. 127–128].

Таким образом, в рамках полицентрических концепций западные («огурские») и восточные («огузские») тюркоязычные народы рассматривались как вполне независимые ветви, не имеющие прямой генетической связи. Тюркизацию племен Восточной Европы сторонники этого подхода связывали с гуннами, а не с «огурами», реальность которых ими подвергалась сомнению, а кроме того родство восточных и западных огузов.

Концепция С. Г. Кляшторного и нерешенные вопросы

Из рассмотренных авторов наибольшее влияние на концепцию С. Г. Кляшторного оказали А. Н. Бернштам и Дж. Гамильтон.

Хотя на работы А. Н. Бернштама по огуро/огузской проблеме С. Г. Кляшторный не ссылаясь (возможно, опасаясь упреков в марризме, которого

¹ Годом раньше на этот же факт ссылался Гумилев [Гумилев 1965, с. 132].

придерживался Бернштам), тем не менее, посвятил ему одну из своих ключевых монографий [Кляшторный, Савинов 2005, с. 1]. Основная идея А. Н. Бернштама развивала линию моноцентрических концепций, заложенную еще В. В. Радловым и Б. Мункачи: «Гаогюй — это транскрипция этнонима уйгур. Племена гаогюй претерпели целый ряд ударов со стороны центральноазиатских держав и в силу этого оказались рассеянными по большой территории. Так, в конце V в. племена гаогюй оказались разбитыми на две части, причем одна часть... была вытеснена в степи Казахстана, другая оказалась отброшенной в Центральную Азию. Западно-гаогюйские племена появились в Восточной Европе, где они известны историкам раннего средневековья под именем угров с различными атрибутивными префиксами (он, ут, сары, кут). <...> Первоначальный этноним уйгур также испытал модификацию. Термин уйгур, точнее гур или угур (так как “уй” здесь также атрибутивный префикс), в силу закона тюркской фонетики утерел свою ротирующую форму и принял “зекающее” окончание. Древнему “гур” соответствует более поздняя форма “гуз”» [Бернштам 1947а, с. 155]¹.

За исключением отрицания угров как нетюркоязычного этноса в приведенной цитате нетрудно обнаружить много сходного с концепцией С. Г. Кляшторного.

Главное заимствование С. Г. Кляшторного из концепции Дж. Гамильтона — этимология «теле» из монгольского **tegreg* («обод, колесо», «телега, тележник») [Кляшторный, Савинов 2005, с. 59]. Из этой реконструкции следует, что «теле» — не самоназвание, а прозвище, заимствованное китайцами у монголоязычных жуань-жуаней, поскольку дословно соответствует китайскому «гаогюй» («высокие телеги»). Значит, у теле было еще и собственное (тюркское) название, поиск которого закономерно привел к анализу тюркских рунических текстов. По мнению С. Г. Кляшторного, на месте «теле» там везде упоминаются «огузы», а значит, это и было их самоназванием.

К последовательному изложению древней истории Великой степи С. Г. Кляшторный обратился не сразу. В лекции «Гуннская держава на Востоке» коллективной «Истории Древнего мира» С. Г. Кляшторный впервые изложил свой взгляд на вопрос о миграции хуннов на Запад [Кляшторный

¹ Впрочем, влияние марризма на концепцию А. Н. Бернштама нельзя недооценивать. В другой работе того же года он писал: «На рубеже V–VI вв. заканчивается развитие гурских племен, т. е. древнего пласта уйгурских племен, который был протоогузским пластом, сохранившимся пережиточно в чувашском языковом острове и, представляющем, по мнению Н. Я. Марра, пример яфетических переживаний в тюркской группе племен и народов» [Бернштам 1947б, с. 68].

1989, с. 252]. В этой и во всех последующих работах С. Г. Кляшторный факт миграции хуннов признавал, считая ее (вопреки А. Н. Бернштаму) единовременным актом, произошедшим на рубеже I и II вв. н. э.; и именно с гуннами он первоначально связывал появление тюркского языка (в форме архаичных диалектов) на западе Великой степи.

Самой ранней работой С. Г. Кляшторного, посвященной огузской теме, является статья в энциклопедии [Кляшторный 1967, с. 467–468], положительно оцененная обычно строгим по отношению к коллегам А. Г. Малявкиным [Малявкин 1983, с. 170, 275]. В этой статье сложение токуз-огузской конфедерации отнесено ко времени первого тюркского каганата, а утверждение синонимичности названий «токуз-огуз» и «уйгур» — ко времени уйгурских княжеств в Восточном Туркестане (IX–XIII вв.); осторожно, в рамках краткого обзора гипотез, высказана мысль о возможном едином происхождении токуз-огузов и среднеазиатских огузов (гузов).

В дальнейшем аспекты истории теле и токуз-огузов разрабатывались С. Г. Кляшторным в статьях, в которых публиковались и анализировались рунические надписи эпохи Уйгурского каганата [Кляшторный 1980; Кляшторный 1983; Кляшторный 1987]. Наконец, различные вопросы истории древнетюркских племен и народностей были суммированы в главах ряда коллективных монографий (1980–1990-е гг.), а затем в обобщающих монографиях, написанных в соавторстве с Т. И. Султановым и Д. Г. Савиновым (1992–2010 гг.).

Совершенно естественно, что за более чем три десятилетия исследований взгляды С. Г. Кляшторного менялись. И хотя ему удалось свести их в единую схему, но даже в ее рамках они продолжали меняться в каждом новом издании обобщающих монографий (см. ниже таблицу). Однако моноцентрическая природа концепции оставалась неизменной. В результате огуро/огузской атрибуции большинства тюркоязычных народов I–VI вв. в схеме фактически не осталось места ни гуннам, что еще можно понять, если встать на позицию авторов (среди которых и поздний С. Г. Кляшторный), отрицающих «алтаеязычность» гуннов, ни собственно тюркам. Древние турки (турки-тугу, туркюты) в число огузов не включались ни одним источником. Напротив, в рунических надписях (надпись Бильге-кагана, строка 29) огузы объявлены частью тюрков [Гумилев 1967, с. 6, 24–25; Кормушин 2011, с. 8–11]. Точно так же к группе племен теле не принадлежали и прочие тюркоязычные этносы раннего средневековья: печенег, карлуки, тюреш, кыргызы. Вопрос об их происхождении остается открытым, но в рамках моноцентрической концепции он не решаем, если только не признать перечисленные народы также телескими, что было бы совсем не оправданным допущением.

С. Г. Кляшторный, так детально исследовавший политическую историю тюркских народов, прекрасно это понимал, почему и включил в ряд своих поздних монографий раздел под названием «Общая концепция этнической истории древнетюркских племен», который, однако, дает лишь абрис концепции на основе анализа вариантов генеалогической легенды древних тюрков и некоторых данных археологии.

Возможно, именно на стыке двух подходов — моно- и полицентрического — удастся выйти из круга противоречий, наличествующего внутри каждого из них.

В заключение сформулируем несколько принципиальных вопросов, решение которых не было достигнуто изолированно в рамках каждого из подходов.

Во-первых, очевидность термина «огур» действительно под вопросом. Он выведен только на основе интерпретации этнонимов протоболгарских племен, но ни в одном источнике в чистом виде не встречается. У Приска названы уроги, у Феофилакта Симокатты и Земарха огоры и угуры, но нигде нет «огуров». Важно и то, что в качестве второй части этнонимов протоболгарских племен надежно выделяется не «огур», а «гур», на что обращали исследователи, придерживающиеся самых разных взглядов: А. Н. Бернштам [Бернштам 1947а, с. 155], Л. Н. Гумилев [Гумилев 1965, с. 131, 133], О. Мэнчен-Хелфен [Maenchen-Helfen 1973, p. 441], К. Менгес [Менгес 1979, с. 40], И. П. Засецкая [История татар 2002, с. 152], Н. З. Гаджиева [Языки мира 1996, с. 21].

Форма «огур» была, как уже говорилось, реконструирована как более архаичный аналог «огуз». При этом не было обращено внимания на то, что во всех формах с «огуз» (токуз-огуз, уч-огуз, секиз-огуз) *о* никогда не исчезает¹, тогда как ни в одном из более чем десятка вариантов этнонимов с «-гур» *о* не встречается. Поэтому признать *о* просто выпавшим нельзя, учитывая, что в предложенной А. Н. Кононовым этимологии корнем является *og*, а не *guz*².

Во-вторых, считать «огуз» первоначально самостоятельным этнонимом также неправильно. Просто «огузов» в древности не было, а были либо токуз-, уч-, секиз-огузы, либо — уйгуры, сиры, эдизы, курыканы, буту, байырку и другие. Даже не вдаваясь в дискуссию о соотношении понятий

¹ Только в X в., когда любые «огуры» были уже в прошлом, в мусульманских источниках появляются просто «гузз'ы» [Бартольд 1968, с. 524], а в византийских — «узы».

² В устном сообщении нам (29.10.2013) С. Г. Кляшторный также высказался в пользу данной этимологии, назвав первоначальным значением слова «огуз» — «союз родственников».

«уйгур» и «токуз-огуз» (синонимы ли это, или уйгуры были лишь частью токуз-огузов), следует заметить, что перечислить первых и вторых в одном ряду при любом подходе невозможно. Так, по Л. Н. Гумилеву, уйгуры — это и есть току-огузы, т. е. уйгуры сами состояли из девяти племен [Гумилев 1967, с. 274]. По С. Г. Кляшторному, уйгуры были лишь одним из девяти огузов, т. е. без них (например, в момент восстания против уйгуров) получалось бы восемь огузов — секиз-огуз. Таким образом, из обоих подходов следует, что «огуз» было наименованием некоей составной единицы — племени или рода — и всегда употреблялось наряду с собственно этнонимами¹.

Что касается доказательства заимствования китайцами у жужаней слова «теле», реконструированного как «tegreg», то у Б. Я. Владимирцова можно найти другой вариант этого же монгольского слова — «tergen» («телега»). Если последний вариант правильнее, то его, вероятно, было бы сложнее восстановить из слова «теле», которое, таким образом, может вполне рассматриваться как собственное тюркское, на чем настаивал еще Н. А. Аристов.

В-третьих, видимо, в признании угорскими этимологий протоболгарских племен присутствовало изначальное заблуждение. Само название «угры» имеет не угорское, а славянское происхождение и было введено только в XIX в. как технический термин для характеристики данной группы языков [Егоров 2009, с. 143–145] (но ведь и «огуры» были точно так же технически введены). Вторая часть протоболгарских этнонимов, таким образом, никак не может быть связана с уграми. Поэтому следует признать правомерными тюркские этимологии названий «гурских» племен [История татар 2002, с. 181–182], хотя достоверность их в отличие от прозрачных числовых обозначений огузов («токуз», «уч», «секиз») и не столь очевидна. Первые части «гурских» этнонимов (сары-, он-, кутур-/кутри-, утур-/ути-) упоминаются в источниках в нескольких вариантах и по-разному расшифровываются исследователями.

Сбрасывать со счетов типологическое (но не этимологическое) сходство протоболгарских и уйгуро-огузских этнонимов было бы опрометчиво. Логичнее, однако, предположить не прямое происхождение обеих групп племен из единого этнического массива, а некое общее хуннское наследие.

Таким образом, огромная историография и наличие взаимоисключающих концепций показывают, что точка в споре между моно- и полицентрическими концепциями будет поставлена еще не скоро.

¹ А. Г. Малявкин, например, насчитал около пятидесяти названий племен, ассоциируемых китайскими источниками с конфедерацией теле [Малявкин 1983, с. 171].

Приложение

Ниже представлены разночтения по одним и тем же вопросам в работах С. Г. Кляшторного, показывающие эволюцию его взглядов, а в ряде случаев и не устраненные противоречия. Поскольку таблица составлена исключительно из цитат, все они даны без кавычек.

Проблемы	Развитие взглядов и разночтения
Язык гуннов	1. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя... можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена, язык которых был предком современного чувашского. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, ...ираноязычных племен [Кляшторный 1989, с. 252]. 2. Хотя сами гунны не относились к числу «алтайских» этносов, внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках. <...> К настоящему времени... выявилось различие между «неалтайской»... принадлежностью ранних гуннов... и... позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы [История татар 2002, с. 123, 223; Кляшторный, Султанов 2004, с. 54, 91; Кляшторный, Савинов 2005, с. 43, 86; Кляшторный 2010, с. 138–139, 199]. 3. Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков «северных» гуннов, с языком гаогуйцев, т. е. с языком древних тюркских племен [История татар 2002, с. 140; Кляшторный, Султанов 2004, с. 78; Кляшторный, Савинов 2005, с. 37–38; Кляшторный 2010, с. 136]. 4. Во внутренние районы Китая началось переселение южных гуннов (преимущественно тюркские племена), сяньбийцев (прамонгольские племена), ди и цянов (тангуты-тибетские племена), цзе (одно из племен «малых юэчжей») [Кляшторный, Савинов 2005, с. 48; Кляшторный 2010, с. 146; ср. Кляшторный 1964, с. 106–107].
Самоназвание племен теле	1. В III–IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название гаоцзюй (букв.: «высокие телеги»). В V в. в китайских источниках появляется новое название этого союза — теле (тегег — «тележники») [История татар 2002, с. 243; Кляшторный, Султанов 2004, с. 89; Кляшторный, Савинов 2005, с. 111].

Проблемы	Развитие взглядов и разночтения
Самоназвание племен теле (окончание)	2. ...многолюдные племена, которых китайцы именовали гаоцзюй, т. е. «высокие телеги», а монголоязычные жужане... называли их тегрег «тележники» (в китайской транскрипции теле). Сами себя они называли огурами/огузами [История татар 2002, с. 221–222; Кляшторный, Султанов 2004, с. 89; Кляшторный, Савинов 2005, с. 83; Кляшторный 2010, с. 194]. 3. Кто же были гаоцзюй, «высокие телеги», названные китайскими историографами не собственным именем...? К началу VII в. прозвище гаоцзюй в китайских хрониках было вытеснено другим прозвищем, теле... ...слово теле является китайской транскрипцией древнемонгольского слова *tegreg, вошедшего и в тюркские языки, с первоначальным значением «обод, колесо», а также «телега, тележник». <...> Другие названия, дили, чиле и тиле, ...это лишь иные варианты передачи слова теле/*tegreg [Кляшторный, Савинов 2005, с. 59; Кляшторный 2010, с. 162–163]. 4. ...племенной союз, возглавляемый уйгурами, сам себя именовал токуз-огуз... И теперь позволительно сделать вывод — племенной союз гаоцзюй/теле имел самоназвание. Этим самоназванием оказалось имя огуз, происходившее... из имени героя-эпонима Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово огур. В такой форме оно сохранилось в особой группе древнетюркских языков, наследником которой является современный чувашский [Кляшторный, Савинов 2005, с. 60; Кляшторный 2010, с. 164–165]. 5. Скорее всего, название «тележники», очевидно очень древнее, не было их самоназванием и пришло в китайский литературный обиход из языка соседних с теле племен. <...> И вот, обратившись к тюркским руническим памятникам VIII в., мы наконец выясняем самоназвание теле и их центральноазиатской племенной группировки: в текстах они названы токуз огузами — «девятью огузами». Теперь возвращаясь к западным источникам... мы обнаруживаем там фонетически более архаичную форму того же имени — огур [Кляшторный 2005, с. 260–261; Кляшторный 2010, с. 174–175]. 6. Этими соседями <жуань-жуаней> были племена гаоцзюй (уйгуров). Их китайское название переводится как «высокие телеги». Гаоцзюй были лишь частью огромного племенного массива..., именовавшегося... теле. Слово это... является транскрипцией китайскими иероглифами тюрко-монгольского термина тегрег — «телега, тележник». Очевидно, оно попало к китайцам от тех соседей теле, которые сами не входили в эту степную конфедерацию... Позднее, в VI–VII вв., когда появились письменные тексты на тюркском языке, создатели этих текстов впервые письменно зафиксировали самоназвание тех племен... Этим самоназванием оказалось имя огуз... [История татар 2002, с. 182; Кляшторный, Султанов 2004, с. 147; ср. Кляшторный 1983, с. 86].

Проблемы	Развитие взглядов и разночтения
Значение огур/огуз	1. Племенной союз токуз-о[гуз] (букв. — девять О[гузов]), упоминаемый под этим названием в орхон-енисейских надписях VIII в. Возник в нач[але] VII в. в составе Тюркского каганата; преобладающее положение в союзе занимали уйгуры... [Кляшторный 1967]. 2. В V в. в китайских источниках появляется новое название племенного союза, куда входили и уйгурские племена, — теле (те-рег — «тележники»). Их самоназвание было огузы (диалектальная форма — огуры). Значительная группа этих племен мигрировала на запад, в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но большая часть осталась в Центральной Азии. В 605 г. ... уйгурский вождь ...увел часть племен в Северную Монголию, где они создали обособленную группу огузов, получившую в китайских источниках название «девять племен». В орхонских надписях они известны как токуз-огузы..., буквально — «девять огузов» [История Востока 1995, с. 155; ср. Восточный Туркестан 1992, с. 43; Кляшторный, Савинов, с. 111–112]. 3. Ведущее объединение империи состояло из двенадцати тюркских племен, возглавляемых династическим родом Ашина. Следующей по политической значимости была племенная группа токуз-огузов, т. е. «девять огузов» [племен] [History..., 1996, p. 336]. 4. Те племена теле, которые согласно смутной китайской информации, ушли в V в., к Западному морю, появились в Прикаспии и Причерноморье под своим собственным общим названием огур, но разделенные на многие племенные союзы... Произошел, казалось бы, окончательный раскол «тележников» на западную группу огурских племен..., и восточную группу огузских племен, где архаичная языковая норма огур сохранилась лишь в этнониме уйгур [Кляшторный 2005, с. 261; Кляшторный 2010, с. 175; ср. Кляшторный 1983, с. 86]. 5. Этим самоназванием <теле> оказалось имя огуз, происходившее... из имени героя-эпонима Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово огур [История татар 2002, с. 183; Кляшторный, Султанов 2004, с. 147; Кляшторный, Савинов 2005, с. 60; Кляшторный 2010, с. 164–165]. 6. Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени кывчак и его семантика... Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», ...мифический предок уйгуров, дарует своим ближним бекам имена, ставшие по легенде эпонимами огузских племен [Кляшторный 1986, с. 161; История татар 2002, с. 338. Кляшторный, Султанов 2004, с. 129; Кляшторный, Савинов 2005, с. 133; Кляшторный 2010, с. 238].

Проблемы	Развитие взглядов и разночтения
Кыпчаки = половцы?	1. Окончилась история сиров. Началась история кипчаков, одного из племен Кимакского каганата [Кляшторный 1986, с. 162]. 2. Окончилась история сиров. Началась история кипчаков. В начале одного из племен Кимакского каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи [История татар 2002, с. 338; Кляшторный, Султанов 2004, с. 129; Кляшторный, Савинов 2005, с. 134; Кляшторный 2010, с. 238]. 2.1. ...прямых предков казахского народа [Кляшторный, Султанов 1992, с. 127]. 3. Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и кай), некогда входивших в племенную конфедерацию теле... продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен — шары и басмылами. ...обе группировки продвинулись далее на запад... Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы. <...> Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории, и, как мне представляется, этот контекст мало связан с историей сиров-кыпчаков [История татар 2002, с. 346; Кляшторный, Султанов 2004, с. 138; Кляшторный, Савинов 2005, с. 142]. 3.1. ...мало связан с историей собственно кыпчаков, именовавшихся до середины XIII в. (скорее всего, опечатка — А. С.) сирами [Кляшторный 2007, с. 114]. 4. Четыре основные (т. е. не происходящие одна от другой — А. С.) древнетюркские группировки племен: тюрки, кыргызы, кыпчаки и теле (огузы) [История татар 2002, с. 224; Кляшторный, Султанов 2004, с. 92; Кляшторный, Савинов 2005, с. 87; Кляшторный 2010, с. 198–199]. 5. Монгольское нашествие... вовлекло в водоворот политических... потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые... составляли основное население степи — от Великой Китайской стены до Дуная [История татар 2002, с. 14; Кляшторный, Султанов 2004, с. 9].

Список сокращений

ТС — Тюркологический сборник
 СТ — Советская тюркология

Библиография

1. Агаджанов 1969: *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
2. Аристов 1897: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. СПб., 1897.
3. Артамонов 1937: *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
4. Артамонов 1962: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
5. Ашмарин 2000 (1902): *Ашмарин Н. И.* Болгары и чуваша. Изд. 2-е, репринт. Чебоксары, 2000; Изд 1-е — Казань, 1902.
6. Бартольд 1968: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.
7. Баскаков 1960: *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960.
8. Бернштам 1947а: *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография, 1947. № VI–VII, с. 148–158.
9. Бернштам 1947б: *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана // Вестник древней истории, 1947. № 2, с. 52–71.
10. Бернштам 1951: *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
11. Бичурин 1950: *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950.
12. Вайнберг 1999: *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999.
13. Восточный Туркестан 1992: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.
14. Гадло 1979: *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
15. Гадло 2004: *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004.
16. Голден 2005: *Голден П. Б.* Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). М.–Иерусалим, 2005. С. 27–68.
17. Грумм-Гржимайло 1926: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
18. Гумилев 1965: *Гумилев Л. Н.* Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 127–142.
19. Гумилев 1967: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.
20. Джафаров 1980: *Джафаров Ю. Р.* Оногуры византийских авторов и хайландуры Елишэ // Византийский временник. Т. 41. 1980. С. 153–162.
21. Европеус 1868: *Европеус Д.* К вопросу о народах, обитавших в нынешней России до поселения в ней славян // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. 1868. С. 56–81.
22. Егоров 2009: *Егоров Н. И.* К проблеме этноязыковой идентификации центральноазиатских огузов (ухуань) // Научная и духовно-миссионерская деятельность Н. Я. Бичурина: история и современное значение. Чебоксары, 2009. С. 118–161.
23. Иностранцев 1926: *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.

24. История Востока 1995: История Востока. Т. 2.: Восток в средние века. М., 1995.
25. История татар 2002: История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. I. Казань, 2002.
26. Кляшторный 1964: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
27. Кляшторный 1967: *Кляшторный С. Г.* Огузы // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. Нахичевань – Пергам. М., 1967.
28. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись // СТ. № 3, 1980. С. 82–85.
29. Кляшторный 1983: *Кляшторный С. Г.* Тэсинская стела // СТ. № 6, 1983. С. 73–90.
30. Кляшторный 1986: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки в рунических памятниках // ТС. Л., 1986, С. 153–164.
31. Кляшторный 1987: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // СТ. № 3, 1987. С. 58–62.
32. Кляшторный 1989: *Кляшторный С. Г.* Гуннская держава на Востоке // История Древнего мира. Кн. 3. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989. С. 243–254.
33. Кляшторный, Султанов 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
34. Кляшторный 2003: *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
35. Кляшторный 2005: *Кляшторный С. Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). М.–Иерусалим, 2005. С. 259–265.
36. Кляшторный 2007: *Кляшторный С. Г.* Кипчаки, комань, половцы // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2007. С. 109–114.
37. Кляшторный 2009: *Кляшторный С. Г.* Имперская традиция в древнетюркской цивилизации // Научный Татарстан. № 1, 2009. С. 59–63.
38. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
39. Кляшторный, Савинов 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
40. Кляшторный, Султанов 2004: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2004.
41. Комар, 2013: *Комар А. В.* Хазарская дилемма: тюрки или теле // ТС. 2011–2012. М., 2013. С. 171–203.
42. Кононов 1958: *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. М.–Л., 1958.
43. Кормушин 2011: *Кормушин И. В.* Заметки о соотносительных терминах «народ türk» и «язык türk» в древнетюркских текстах // Российская тюркология. № 2. 2011. С. 8–11.
44. Максуди 2002 (1947): *Максуди С. А.* Тюркская история и право. Казань, 2002; Изд. 1-е (на тур. яз.). Стамбул, 1947.

45. Малявкин 1983: *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.
46. Менгес 1979: *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
47. Новосельцев 1990: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
48. Потапов 1966: *Потапов Л. П.* Этноним теле и алтайцы // ТС. М., 1966. С. 233–240.
49. Радлов 1893: *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.
50. Рафиков 1952: *Рафиков А. Х.* [Рец. на:] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вопросы истории. № 5, 1952. С. 126–131.
51. Салмин 2011: *Салмин А. К.* Угорская страница в истории предков чувашей // Сибирский сборник–3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 218–227.
52. Семенов 2013: *Семенов И. Г.* Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // ТС. 2011–2012. М., 2013. С. 333–351.
53. Смирнов 1951: *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
54. Смирнов, Корнилов 1971: *Смирнов А. П., Корнилов Г. Е.* [Рец. на:] Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья... // История и культура Чувашской АССР: сб. статей ЧНИИ. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 481–517.
55. Толстов 1948: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.
56. Федоров Я., Федоров Г. 1978: *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
57. Хауссиг 1977: *Хауссиг Г. В.* К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. Т. 38. 1977. С. 59–71.
58. Языки мира 1996: Языки мира: Тюркские языки. М., 1996.
59. Deguignes 1756: *Deguignes.* Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tatares occidentaux... T. I, seconde partie. Paris, 1756.
60. Dunlop 1954: *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
61. Golden 1980: *Golden P. B.* Khazar Studies Vol. 1. Budapest, 1980.
62. Golden 2006: *Golden P. B.* Cumanica V: Basmils and Qipchaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Bd. 15. 2006/07. P. 13–42.
63. Grousset 2001 (1939): *Grousset R.* L'Empire des steppes. 6e éd. Paris, 2001; 1e éd. Paris, 1939.
64. Klaproth 1826: *Klaproth J.* Tableaux historiques de l'Asie. Paris, Londres, Stuttgart, 1826.
65. History..., 1996: History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750. Paris, 1996.
66. Maenchen-Helfen 1973: *Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. Los Angeles, 1973.
67. Marquart 1903: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

68. Moravcsik 1958: *Moravcsik Dy. Byzantinoturcica*. Bd. I. Berlin, 1958.
69. Munkácsi 1896: *Munkácsi B. Ursprung des Volksnamens ‚Ugor‘* // *Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn*. V. 1896, S. 7–10, 89–92.
70. Róna-Tas 1999: *Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages*. Budapest, 1999.

Andrey S. Saraev

THE CONTROVERSY ON THE ORIGIN OF THE EARLY TURKIC-SPEAKING PEOPLES AND S. G. KLYASHTORNY'S CONTRIBUTION TO IT

Abstract: *The origin of the Turkic-speaking peoples of the early Middle Ages is an important topic of S. G. Klyashtorny's works. He supported the monocentric concept, the followers of which believe that once there existed a «proto ethnos» of nearly all Turkic peoples named «ogurs». Those ogurs who migrated toward the west became Bulgarians and Khazars. The eastern ogurs under the name of «oguz» formed different Uyghur tribes. Klyashtorny also considered the Middle East Oguz and Qipčaq/Polovtsians as the descendants of the last. However, a considerable number of researchers follow the other concept — polycentric. This concept regards Western and Eastern Turkic peoples as two different branches without any direct genetic link. Moreover, for the followers of the polycentric concept the validity of the key term «ogur» is in question.*

Keywords: *Klyashtorny, Radloff, Munkácsi, Bernshtam, Maksudi, Ogur/Oguz problem.*